

Автор статьи:
Евгений Владимирович Чернышев
Полковник в отставке.
Участник боевых действий
chernyshev_ev30@mail.ru

Окончание.

Поход за яблоками

В начале лета, когда начали созревать шампанские яблоки, у наших старших ребят возникла идея пойти в дальние горные деревни, на окраинах которых имелись большие яблоневые сады. Греки, имевшие в тех местах родственников, говорили, что сельчане тех мест перегружены работой, и им некогда заниматься садами.

Заводилой был русский парень лет пятнадцати. Его мать - жена морского офицера, воевавшего в районе Севастополя, эвакуировалась с сыном, и жила у Натальи Алексеевны. Наслушавшись о бесхозных яблоках, он увлек всех нас идеей похода за ними. Нас собралось шесть ребят. Еще двое примкнули с соседнего двора.

Рано утром, забрав мешки, рюкзаки, веревки, скудный запас еды, мы двинулись на окраину города в сторону турбазы. В компании я был самым младшим. Прошли турбазу, сделали привал для перекура. Курящими были все, в том числе и я.

Посовещались и приняли предложенный Ергули маршрут. Мы шли тропой, огибавшей гору. Проходили мимо греческих деревень, делали привалы и шли дальше. Была середина дня. Наступила жара. Наконец мы вышли к яблоневому саду, расположенному на склоне горы. Дух захватывало от увиденного. Земля между деревьями была усыпана спелыми красными шампанскими яблоками. Наполнили свои мешки, рюкзаки и сели перекурить. Вот тут то и появились двое колхозных сторожей. Они потребовали высыпать на землю содержимое мешков.

Никакие уговоры - переговоры не помогли. Нам пришлось выполнять требования сторожей. Однако, опорожнив наполовину рюкзаки, мы вскинули их на плечи и, игнорируя угрозы сторожей, стали быстро удаляться от негостеприимного сада.

Дальше, не зная дороги, уходя от возможной погони, мы шли наугад. Обходили деревни, делали привалы. Далеко удалились от моря. Куревон кончилось, и мы без него очень страдали.

В ходе очередного привала к нам подошел сельский житель, грек по имени Ергули. Он поинтересовался нашими проблемами. Мы рассказали ему о наших приключениях. Он посочувствовал нам, достал табачку, дал покурить, а потом повел нас в сторону деревни. Мы оказались в большом яблоневом саду. Земля была усыпана спелыми шампанскими яблоками. Грек предложил нам набирать столько, сколько сможем унести.

Мы развязали наши мешки и рюкзаки, высыпали содержимое на землю, потому что по качеству они уступали новым яблокам.

Собрав яблоки, мы поблагодарили грека. Он нас напутствовал, рассказал как надо добираться до железнодорожной станции Келасури. Чтобы до нее дойти, надо было выйти на грунтовую дорогу, а она находилась за рекой. Предстояло переправляться через нее, но мостов по пути не было. Пройдя с километр, мы выбрали место переправы. Разделись, связали одежду. Воды было по пояс, но течение было быстрым. Решали проблему, как переправить на противоположный берег мешки и рюкзаки.

Использовали длинные шесты. Ребята держась руками друг за друга, переправились через реку. Перенесли туда и мой рюкзак с яблоками и одежду. Я разбежался, прыгнул с небольшой возвышенности головой вперед и быстро поплыл. Вода была очень холодной и сковывала движения. Но, с берега мне уже протянули длинный шест, я за него ухватился, и меня вытащили на берег. Мы обсохли, оделись и двинулись по дороге к станции Келасури, которая виднелась далеко впереди.

Солнце склонялось к закату. Уставшие мы шли по грунтовой дороге, неся добытые с большим трудом яблоки. Больше всего мы

Всегреческое Сухумское Культурное Общество поздравляет Афины Георгиевну Феофилову с 70-летним юбилеем и желает ей крепкого здоровья и дальнейших успехов.

Издается при поддержке: Центра Исследований Истории и Культуры Сухумских Греков «Диоскуры», Всегреческого Сухумского Культурного Общества им. Т.Г.Поповиди, Греция, газеты НУЖНАЯ и портала www.apсны.ru, Абхазия

№ 64

Греческий Сухумский Вестник

Ведущий рубрики
Георгиос Григориадис

Спонсор проекта туристическая компания **RELBISS TRAVEL**.
Туры и авиабилеты по всему миру, экскурсии и отели по Греции.
Телефоны в Афинах: 210-32.10.322, 210-32.35.125.

СУХУМ В ГОДЫ Великой Отечественной ВОЙНЫ

Перевал

страдали от отсутствия курева. Табак давно кончился, а желание покурить возрастало.

Навстречу нам попала группа цыган, тоже шедшая пешком. На просьбу дать немного табачку они поинтересовались: а что вы несете? Мы сказали. Они предложили обменяться табачком на яблоки. Тяга к куреву была столь велика, что мы за две - три закрутки табачка отсыпали полмешка яблок. Ребята эти три закрутки курили сообща. Мне, как самому младшему, достался небольшой окурочек. Я его скурил полностью. Между двумя пальцами, которыми я его держал, не осталось ничего. Меня даже стошнило.

Подошли к станции. В ожидании поезда со стороны Драндов собралось много людей. Подошедший поезд брали штурмом. Нам удалось забраться в тамбуры и устроиться на полу. Ехать было недалеко. Проскочили туннель и остановились на станции им. Бараташвили. Сошли с тамбуров, собрались и пошли через город домой. Когда вошли во двор, уже стемнело.

Я смог донести около пуда отличных (спасибо греку) красных шампанских яблок. Остальные сумели донести больше.

Утром рассказали о своих приключениях. Решили большую часть яблок продать на рынке. С этим нам помог Яне. Деньги, вырученные за них, нам очень пригодились.

Самый главный результат для меня от нашего похода - меня несколько дней сильно тошнило от того выкуренного полностью окурка. Несколько дней я просто не мог закурить. А потом решил - брошу курить, зачем мне это нужно?! Тошнота прошла, но с тех пор курить я перестал.

Когда не было дождей, мы с Эдиком ходили по городу, изучали магазины, столовые, бывали на толкучке и, вообще, искали возможности добыть съестное.

Нас привлекали две пекарни, которые пекли для города хлеб. Одна пекарня находилась на улице Молотова, напротив парка Сталина. Вторая - также напротив парка, но с другой стороны, на улице Лакоба (совр. назв.). Обе пекарни были небольшими, но вносили свою посильную лепту в обеспечение города хлебом. К пекарням подъезжали машины, повозки. Иногда нам удавалось подсобить чем-либо получательнице хлеба, и получить вознаграждение в виде кондитерской булочки или хлеба.

Больше нас привлекала вторая пекарня. Входы и выходы из нее были изнутри со двора. На нашу улицу и тротуар была обращена боковая стена пекарни. В ней виднелся ряд небольших зарешеченных окон, находившихся на высоте выше человеческого роста. Через них у нас было общение с работниками пекарни.

Напротив нее, через улицу, было невысокое каменное ограждение парка, на котором мы располагались в ожидании своего часа.

Когда в окошке появлялась голова работника пекарни, мы устремлялись к тротуару, он, выбрав из нас уже знакомого ему паренька, просовывал через решетку буханку хлеба и давал ему задание.

Иногда мы сами заглядывали в цех через одно из окошек. Так как они находились высоко, мы использовали подсобные предметы типа ящика. В цехе стояли деревянные корыта. Работники руками замешивали в них тесто. Отсутствовала механизация. Работа была физически трудной. Стояли длинные столы, на которых, после того, как тесто подойдет, укладывали его в формочки. Рядом стояли передвижные металлические стеллажи на колесах. В них остывал уже испеченный хлеб. Иногда с этих стеллажей нам немного перепало.

Эдик был проворнее меня и успел переизнакомиться с работниками. Они предложили ему работать с ними. Он с радостью согласился. Несколько дней он проработал в цехе. Выбрав момент, передавал мне через окошко хлеб. Это продолжалось около недели. Ему тоже приходилось месить руками тесто. Раз ему не повезло. Во время перемешивания теста он загнал под ноготь щепку. Вытащить ее мы не смогли, и через некоторое время ноготь нагноился, палец сильно болел, и Эдик вынужден был оставить работу.

Потом мы увлеклись продажей табака, базаром и толкучкой.

Работа на хлебозаводе

Лето подходило к концу, положение с продовольствием не улучшалось. Мы с Эдиком по-прежнему активно пытались его раздобыть. Утро начиналось с получения хлеба по карточкам. Мы рано вставали и отправлялись в хлебный магазин занимать очередь. Дождавшись подвоза хлеба, выстояв в длинной очереди, получали хлеб и доставляли его домой.

В ожидании подвоза хлеба мы смотрели на улицу Сталина, в сторону главпочтамта. Оттуда из-за поворота с улицы Орджоникидзе должны появиться две или три двухколесные ручные тачки с закрытыми будками. В них с хлебозавода возчики греки в сопровождении

заведующей или экспедитора везли в магазин свежеспеченный хлеб. Как только тачки появлялись из-за угла, поднимался крик - везут, везут! Очередь оживлялась, люди выстраивались вдоль стены. Тачки заезжали в арку, где через специальный проем в стене магазина проходила выгрузка хлеба.

Как-то раз осенью доставка хлеба запаздывала, и мы пошли в сторону хлебозавода, чтобы узнать, когда же его привезут. Не доходя до него, встретили три груженые хлебобулочные тачки. Возчиками были три грека. Каждый крепко держал рукоятку тачки, и с усилием ее толкал. У двух греков были по одному помощнику - ребята на два-три года старше нас. Они сбоку, упираясь руками в будку, толкали тачку, оказывая помощь возчику.

Мы с Эдиком подошли с двух сторон к третьей тачке, уперлись в будку руками и стали толкать. Наша тачка пошла ускоренным темпом. Возчик одобрительно закивал головой. Въехали в арку магазина, по очереди разгрузились. (Это очень ответственный момент и подробней о нем я расскажу позже).

Наш грек взял наши хлебные карточки, отдал заведующей, и она выдала по ним нам хлеб. Так что, стоять в очереди нам не пришлось.

После разгрузки наш возчик предложил и в дальнейшем оказывать ему помощь. Мы очень обрадовались. Вместе с пустыми тачками вернулись на хлебозавод, и потом совершили еще пару подвозов хлеба в другие магазины.

Закончив работу, мы получили от грека буханку хлеба, зашли на базар (он находился рядом), продали хлеб, купили килограмм кукурузной муки и отправились домой.

На следующий день еще не было и шести утра, как мы с Эдиком уже были на хлебозаводе. Познакомились с возчиками. Один был Яне, худощавый, невысокого роста. Помощником у него был Ергули, года на три старше меня. Второй возчик - Юра. Невысокого роста, крепкого телосложения. Помощника его также звали Юрой. Третий возчик тоже грек, выше остальных ростом, крепкого телосложения. Звали его Колей. Женат был на русской.

Началась наша работа. Во дворе хлебозавода ожидали своей очереди крытые полуторки, четырехколесные хлебные подводы - будки, запряженные лошадей. Стояли три наши двухколесные тележки - будочки. Полуторки: заведующие магазинами и различных столовых, продавцы ларьков, экспедиторы. Они оформляли документы на получение хлеба, и ждали своей очереди. У некоторых получателей транспорта для подвоза хлеба не было. Они договаривались с нами. Друг друга уже хорошо знали.

Нашей обязанностью было рано утром развезти хлеб, выдаваемый по карточкам для населения в двух больших хлебных магазинах, расположенных на улице Сталина (позже - Проспект мира) и «Комсомольский» - угловой на пересечении с улицей Фрунзе. После этого мы с пустыми тачками располагались перед хлебозаводом. Между собой устраивали очередность. За день каждому доставалось по два - три дополнительных клиента. Они, как правило, получали немного хлеба сто - двести килограмм. В этом случае, иногда, Коля поручал нам с Эдиком самим отвезти хлеб.

Шли дни. Мы втянулись в работу. С Колей хорошо подружились. Он был лет на пятнадцать старше нас. Жил во дворе, где располагался наш главный хлебный магазин. Пройдя в арку, попадаешь в большой внутренний двор, окруженный двухэтажным строением дома. С длинными общими коридорами - балконами. Коля жил на втором этаже. Тачку хранил внизу во дворе. Он приглашал нас с Эдиком к себе. Познакомил с женой - русской приятной женщиной. Коля не был жадным, и нам с ним хорошо работалось. Как же мы, да и остальные наши друзья - возчики, зарабатывали себе на жизнь?

Когда арка освобождалась, мы загоняли в нее тачку. Слева в стене находился квадратный проем - окно для выдачи и приема буханок. Экспедитор находилась в зале выдачи. Она принимала по весу и количеству буханок хлеб, размещенный на металлических тележках. Подписывала накладные. Рабочий подгонял тележку к окну выдачи, и выкладывал в него буханки. Один из нас брал их из окна и передавал их Коле. Тот плотно укладывал их в тачку. Здесь нужны были навыки, чтобы весь хлеб поместился. При погрузке обязательно велся счет буханок. Количество, поданных из окна и погруженных в тачку, должно было совпадать. Тоже самое происходило и при разгрузке в магазине.

Современные снимки самолета. Наш был меньше в полтора раза

При приеме горячего (не успевшего остыть в тележках) хлеба экспедитор получал дополнительный коэффициент, т.к. при остывании вес хлеба уменьшался. В зависимости от взаимоотношений с работниками завода, экспедитор получал также дополнительный резерв.

При погрузке и выгрузке мы с Эдиком должны были постараться для себя. У некоторых круглых пшеничных буханок выделялись потрескавшиеся края-горбушки. При передаче хлеба эта горбушка оставалась в крепко зажатой руке. Буханка наклонялась, исчезала в тачке, а горбушка моментально оказывалась за пазухой. Мера мы знали и не перебарщивали с этим делом. Эти горбушки у нас назывались «ломэус». Их мы приносили домой.

Иногда работник цеха из окна выдачи подзывал кого-нибудь из нас ребят, протягивал буханку хлеба (иногда белого) и просил купить ему греческое мацони, фрукты и т.п. Буханку мы быстро продавали на расположенном рядом базаре и выполняли просьбу работника. Все это передавали ему через окошечко, а он, как правило, вручал нам еще буханку, но уже для нас.

Раз у меня произошел конфуз. Коля послал меня продать буханку хлеба. Подойдя к базару, я достал из сумки буханку для продажи. Тут же ко мне подскочил цыган из группы таких же, как он. Сколько за буханку? Сто рублей. Давай за девяносто? Ладно, бери. Цыган на моих глазах отсчитал десятками девяносто рублей, вручил их мне и забрал буханку. Я уже собрался идти, как он обратился ко мне: ой, правильно ли я отсчитал? Дай пересчитаю. На -пересчитывай. Цыган быстро снова пересчитал, свернул их и отдал мне. Все правильно!

Вернувшись на завод, я отдал деньги Коле. Продав за девяносто. Он развернул сверток. А здесь только шестьдесят! Не может быть! Он у меня на глазах считал! Я рассказал, как было дело. Коля мне объяснил, что при повторном пересчете и возврате мне денег, три десятка остались у него в левой руке. Я все понял и пошел искать того цыгана. Но его и след простыл. С тех пор к цыганам относись отрицательно.

Шло время. В работу мы втянулись. Экспедиторы, получавшие хлеб, нас уже знали. Знали нас и покупатели, стоявшие в очереди, и продавцы. Редко, но иногда по просьбе кого-либо из друзей я или Эдик брали у них хлебные карточки, свободно проходили мимо очереди в магазин, подходили к прилавку с противоположной стороны очереди. Продащица, увидев нас, протягивала руку, брала у нас карточки и отпущала по таланам хлеб. Нас уже знали, и никто не возражал.

Нам было интересно, когда мы утром рано везли хлеб и, поворачивая на улицу Сталина, слышали возгласы: везут, везут!

Заканчивался сорок третий год. Перед самым новым годом мы получили фронтальной треугольничек. Папин сослуживец нам общал, что он жив. Бежал из немецкого плена. Сейчас проходит проверку и скоро сможет нам написать. Мама плакала от радости. Мы все приободрились. Появилась надежда, что он вернется с фронта.

Наступил новый год. Мама ушла к тете

Варе Алтуховой, а мы - детвора сидели у печки топили ее дровами и вели разговоры об отце. Отец Эдика с Толиком тоже числился пропавшим без вести. Говорили об отцах. Надеялись, их отец - дядя Коля, тоже найдется.

У нас под кроватью лежали два бурдюка - один с вином, а другой с чаем (виноградным самогоном). Из Зугдиди приезжали знакомые и торговали на базаре вином и чаем. Запасы (бурдюки) хранили у нас. Приближались 12 часов ночи - наступал новый 1944 год. Мы были возбуждены и наступлением нового года и известием об отце. Я все чаще поглядывал на бурдюки, лежавшие под кроватью. Эдик с Валей меня подзадоривали и я, наконец, решился - полез под кровать, вынул затычку из бурдюка, приложился и выпил глоток чаи. Рот обожгло, но я терпел и под восхищенными взглядами вылез из-под кровати и хвастливо заявил, что для меня это пустяк. Я не ощутил воздействия от выпитого глотка чаи, и через некоторое время снова полез под кровать. Так повторялось несколько раз, пока я не почувствовал прилив бодрости и веселья. Закусывать было нечем. Я в последний раз полез под кровать, сделал пару глотков и стал хвастаться, что меня никакая чаша не возьмет. Ровно в 12 часов во двор вышли соседи, поздравляя друг друга с Новым годом. Меня потянуло к ним. Я стал шутить, весело кричать, говорить об отце. Соседи смеялись. На шум вышли мать с тетей Варей. Подошел Яне.

Утром я проснулся на кровати. Страшно тошнило, тянуло на рвоту, чувствовалась большая слабость, головная боль. Я еле вышел во двор. Долго пытался вырвать, но рвать было нечем. Я ничего не помнил, что происходило вчера вечером после того, как я вышел во двор.

Я проболел около недели. После этого, даже став взрослым, никогда не употреблял чачу. Даже в хорошей компании, когда кроме нее спиртных напитков не было.

Жизнь в высокогорном селе Псху

Наступил 1944 год. Мы с Эдиком продолжали работать при хлебозаводе. Помогали греку Коле. Хорошо с ним сдружились. Наша с Эдиком работа была существенным подспорьем большой нашей семье.

Весна была в полном расцвете. Как-то мама сказала, что мне надо сходить к тете Вере Ишановой. Дядя Лавруша и тетя Вера Ишановы были друзьями моих родителей. Отец с дядей Лаврушей работали шоферами в «Союзтрансе». Тетя Вера была хорошей портнихой. У нее даже были ученицы, которых она обучала у себя дома. Жили они недалеко от нас, и я пошел навестить тетю Веру. Она мне сказала, что у ее ученицы мать живет на Псху, и ей нужен помощник, который помогал бы по хозяйству и пас свиней.

Предложение было заманчивым, так как высокогорное село Псху находилось за перевалом, автомобильной дороги туда не было. Летали «кукурузники». Добирались по тропам. Вызов продовольствия затруднен. Село по тем временам считалось богатым. После недолгих раздумий, я дал свое согласие. Тетя Вера познакомила меня со своей ученицей Зоей, очень приятной девушкой лет на четыре старше меня. Она написала матери на Псху письмо, заказала мне билет на «кукурузник», проинструктировала, и я стал готовиться к отлету. На попутной машине добрался до эшерского аэропорта. Подошел к дежурному. Там ожидала еще женщина - попутчица. На

поле стояли несколько «кукурузников». Один был расчехлен. В него загружали мешки с почтой и посылками. Я с попутчицей подошли к самолету, поздоровались с летчиком. Мы взобрались на свои места. Механик несколько раз дернул за пропеллер. Наконец, мотор заработал.

Мы медленно двинулись по полю. Вышли на взлетную дорожку, мотор резко взревел, и мы покатались, набирая скорость. Несколько раз подсакивали, и потом плавно и спокойно взлетели.

(В начале 1930 г. красноармейский отряд, разыскивавший по горным лесам бандитов, вышел на окраину крупного, не нанесенного ни на какие карты селения. Так состоялось новое открытие Псху. Через полгода в нем была установлена советская власть и организован колхоз им. 1-го Мая).

Я с любопытством смотрел вниз. Для меня это все было ново. Ведь впервые в жизни мне довелось полететь! Самолет развернулся над морем и пошел в сторону Сухума, набирая высоту. У реки Беслетки повернул в горы в сторону СУХУМГЭСа. Вдали белели снежные горы. Мы подлетали к ним уже прилично набрав высоту. Справа виднелся строящийся СУХУМГЭС. Внизу горы, леса, ущелья. Местность хорошо просматривалась.

Приближался перевал. Невероятно красивая картина очаровала меня.

Но вот мы его преодолели и начали медленно снижаться.

Внизу показались отдельные дома хуторов и длинное поле грунтового, покрытого травой аэродрома.

Самолет совершил над ним круг, продолжая снижаться, зашел со стороны реки Бзыбь, и пошел на посадку.

Пробежал по полю, замедляя ход, в конце поля развернулся влево, подкатил поближе к небольшой группе встречающих, и остановился, заглушив двигатель.

Летчик вылез из кабины, открыл над нами крышку. Мы вдвоем выбрались из самолета. Подошли работники аэропорта и стали разгружать почту.

Прилет самолета для жителей Псху был событием. Одни ждали родственников, другие почту. Два три пассажира готовились к полету. Небольшое почтовое отделение располагалось здесь же.

Среди встречавших я увидел отдельно стоящую пожилую женщину, которая внимательно, оценивающе всматривалась в меня. Это была тетя Фрося, моя будущая хозяйка. Я медленно подошел к ней, спросил: «Вы тетя Фрося»? Она в свою очередь спросила: «А ты Женя»? - Да. Ну, пойдём со мной.

Мы вышли на сельскую каменную дорогу. Она вела сквозь лес вниз к реке Бзыбь. Спустившись, мы вышли к реке Битага.

По кладке (длинные спаренные бревна) перешли через нее, и пошли вдоль частогокола (забора из кольев) по поляне среди высоких ореховых деревьев. Слева виднелись отдельные дома, справа недалеко - река Бзыбь. Тетя Фрося расспрашивала меня о жизни в Сухуме. Я ей рассказал все о себе. Хутор на который мы вышли, назывался Нижняя Битага. Тети Фросино хозяйство располагалось на его восточной окраине. Вошли через калитку.

У дома нас встретила собака, которая бегала на трех ногах, а четвертая нога была покалечена. Тетя Фрося сказала, что это ей досталось от волка. Мы вошли в дом. Тетя Фрося быстро накрыла стол и хорошо накормила меня. От обилия продуктов у меня разбежались глаза.

После обеда она показала мне все свое хозяйство. Мне предстояло активно им заниматься в свободное от пастушества время. В загоне хрюкали полтора десятка свиней, кабанов и разного возраста поросят. Там стояли выдолбленные из отрезков стволов корыта. Напротив стоял небольшой коровник. Коровы, привязанные к дереву, паслась на поляне. Около дома стоял большой сарай, в котором хранились овощи, бочки с солениями и всякая утварь. Справа позади дома - небольшой сарайчик для откормки кабанов, а на его чердаке помещались куры.

До вечера я ознакомился с хозяйством и окрестностью. Пошел к реке Бзыбь, посидел на берегу, окунул руки в ее ледяную прозрачную воду. Нигде никого не встретил.

Солнце зашло за горы и стало быстро темнеть. Тетя Фрося подоила корову, процедила сквозь марлю молоко и поставила его в сарай. Вместе мы отнесли ведра с кормом для свиней и вылили в корыта. Свиньи, до этого визжавшие, сразу все замолчали и зачавкали.

Зашли в дом. При свете свечей поужинали.

Рядом со столом на полу лежала большая медвежья шкура. Из другой комнаты тетя Фрося принесла подушку, простынь и одеяло. Все это я постелил на медвежью шкуру и улегся спать. Тетя Фрося в соседней комнате зажгла лампаду у иконы и стала молиться.

Я быстро уснул. Для меня начиналась новая жизнь, в новых условиях.

**Всегреческое Сухумское Культурное общество с глубоким при-
скорбием сообщает, что на 93-м году жизни в г. Ксанфи, скончался
известный врач, изобретатель, почетный сухумский грек Роберт
(Эротокритос) Фемистоклиевич Мистакопуло.
Выражаем соболезнование родным и близким покойного.**